

course and an art discourse. And as a result, the linguistic analysis of a philosophical discourse to some extent is possible. Linguistic resource of English is rather flexible to meet the requirements of a philosophical reasoning.

Language of the English philosophy is more or less, than the other national languages, allocated with «imperfections» about which the logical philosophy told. It provides unique resources for the most exact transfer of a philosophical reflection. Modern philosophers of the other European countries often use stylistically neutral English and present inherently specific forms of English language as the features of philosophical style. The majority of the ideas of technology of philosophizing are available in books, which were written in English. Precisely English in the twentieth century became universal language of an intellectual discourse.

Keywords: philosophical discourse, language of philosophy, means of philosophical reflection.

References

1. Derrida J. Yest li u filosofiji svoj yazik? [Has philosophy own language?]. Antropolog.ru, 2011, <http://www.antropolog.ru/doc/library/derrida/derrida>
2. Korotkov Ye. A. (2001) Spezifika filosofskogo diskursa: logiko-epistemicheskiye zametki [Specifics of a philosophical discourse]. Voronezh, VSU, 204 p.
3. Malinovskaya I. V. (2007) Universalizatsiya terminologii 20 stolit'ya: osoblivosti verbalizatsii konceptiv u prostori anglomovnogogo diskursu pro skladnist. [Universalization of terminology of the 20th century of feature of verbalization of concepts in space of an English-speaking discourse about complexity]. Kyev, Logos, pp. 189–199.
4. Sossyr F. de (2004) Kurs obchei lingvistiki [Course of the general linguistics]. Moscow, Editourial URSS, 256 p.
5. Smirnov A. V. (2010) Mozhno li strogo govorit o neperevodimosti? [Whether it is possible to speak about not convertibility strictly?]. Moscow, RSGU, pp. 37–54.
6. Russell B. (1967) The Autobiography of Bertrand Russell, Vol. 1, London, George Allen and Unwin, 154 p.
7. Schlick M. (1935) Unanswerable Questions, Vol. XIII, <http://www.the-philosopher.co.uk/moritz.htm>

УДК 159.964.26

Александр Романов
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОГО ПСИХОАНАЛИЗА
Г. С. САЛЛИВАНА

В статье показана логика модернизации психоанализа в интерперсональном подходе Г. С. Салливана, а также недостаточность традиционной междисциплинарной трактовки его новаций. Обосновано трансдисциплинарное понимание методологического поворота Салливана.

Ключевые слова: интерперсональный психоанализ, Гарри Стек Салливан, трансдисциплинарность.

В исследованиях, посвященных теоретико-методологическим принципам интерперсонального психоанализа Гарри Стека Салливана, традиционно акцентируются междисциплинарные основания его подхода [2; 7; 8; 9, р. 39–48]. Хотя такая трактовка теоретических и методологических новаций Салливана апеллирует к хорошо известным фактам его научной биографии, в свете современных философско-методологических рефлексий эти «биографические» обобщения представляются недостаточными. Целью данной статьи является пересмотр представлений о междисциплинарном характере новаций Салливана и раскрытие их трансдисциплинарного статуса. Для достижения этой цели мы решим несколько связанных задач. Во-первых, рассмотрим специфику междисциплинарного истолкования «интерперсонального поворота». Во-вторых, реконструируем внутреннюю логику интерперсоналистской модернизации психоанализа, для чего отдельно остановимся на проблемных методологических и метафизических предпосылках классического психоанализа Зигмунда Фрейда, преодоление которых и было основной интенцией Салливана. В-третьих, мы приведем аргументы в пользу трансдисциплинарного прочтения методологических новаций Салливана.

Научная биография Салливана (1892–1949) известна хорошо. Придя в клиническую психиатрию в начале 1920-х годов и испытав влияние Уильяма Алансона Уайта, воплощавшего лучшие традиции «здорового эклектизма» американской психиатрии [9], Салливан достаточно быстро достиг выдающихся клинических успехов в работе с пациентами-шизофрениками, предполагавшимися до того «неизлечимыми». В основе этих результатов были 1) уход от «биологической» трактовки шизофрении как дегенеративного органического расстройства и 2) организационная модернизация терапевтического пространства. Специально отобранный медицинский персонал выражал пациентам максимальную человечность

и уважительное отношение, а травмирующая социально-ролевая дифференциация на «больных» и медицинских работников была сведена к минимуму. Впечатляющие результаты, полученные благодаря применению чисто коммуникативных и психологических методов к лечению «априорно» некурабельной группы пациентов, подтолкнули Салливана к углубленному изучению проблематики коммуникации, психического развития и методов терапевтического взаимодействия. В это же время Салливан завязывает близкие профессиональные отношения с Эдвардом Сепиром и другими представителями знаменитой Чикагской школы, осознавая необходимость продуктивного диалога психиатрии со стремительно развивающимися социальными и гуманитарными науками. В 1930-е годы Салливан достигает впечатляющих результатов в работе с еще одной категорией «трудных» пациентов, страдающих навязчивыми состояниями, а также организует работу фонда, журнала и института, ориентированных на поддержку дальнейших исследований на стыке психиатрии и социальных наук. К этому времени относится и начало его сотрудничества с Эрихом Фроммом и Карен Хорни. В 1940-е годы Салливан применяет свои знания для модернизации службы воинского призыва США, участвует в международных послевоенных конференциях, посвященных снижению международной напряженности и профилактике психического болезней, а также читает свои итоговые курсы лекций.

Несмотря на новаторский и прогрессивный характер своего научного творчества, Салливан не избежал конфликта интересов с консервативной элитой институционализованного психоанализа, что весьма осложнило распространение интерперсональных идей. Показательна позиция Карла Меннингера, президента Американской психоаналитической ассоциации того времени: «Фрейд не был нашим Богом, он был нашим Моисеем. Но с его смертью мы не утратили своего вождя. <...> Добавлять нечто новое к его открытиям – это не привилегия избранных, а наш общий долг. Но это не наша обязанность и не наша привилегия – делать себе имя и «бороться за интеллектуальную свободу», во всеуслышание критикуя Фрейда, или раздувать в великое открытие свои расхождения с ним» (цит. по: [3, с. 513]). Эта ситуация привела к парадоксу: дальнейшая модернизация психоанализа пошла по пути, проложенному Салливаном, но его новации вошли в новейшую историю психоанализа в связи с именами более лояльных авторов.

В чем же состоял «интерперсональный поворот» Салливана и какова роль в этом междисциплинарных заимствований? Для ответа на этот вопрос нам следует совершить критическое обращение к классическому психоанализу Фрейда.

Фрейд как ученый был во многом сформирован научной атмосферой XIX века – временем триумфа естественных наук и популяризации веры в то, что стремительный научный прогресс также прямо ведет к скорейшему осчастливлению человечества. В просветительском духе человечество полагалось одураченным религиозными иллюзиями, а в духе ницшеанского разоблачения требовало освобождения от репрессирующей его витальности морали. Сциентизм в сочетании с пламенной риторикой просветительства и разоблачения наложили неизгладимый отпечаток на способ фрейдовского теоретизирования [5]. Позднее эти проблемные для научного дискурса предпосылки были еще более осложнены скептицизмом и пессимизмом в отношении человеческой природы, последовавшими за потрясением Первой Мировой войной, когда вера в эффективность научного знания обернулась технологиями массового убийства миллионов «цивилизованных» европейцев, обнажив глубокий культурный и духовный кризис современного человечества. Сциентизированное мессианство и прямолинейный активизм, столкнувшись с дискредитирующими подобными стратегиями обстоятельствами, были модифицированы посредством новых обоснований, которые апеллировали к существованию в человеке могущественного источника разрушительности и сопротивления. Так в 1920 году во фрейдовскую метапсихологию входит понятие инстинкта смерти [6]. Риторика страстного разоблачения дополнилась трагическим сюжетом неравной борьбы ученого с деструктивным потенциалом природы, от чего вера в научный разум приобретала еще более мистический характер. Нерационализируемые в перспективе ученого-освободителя факты получали теперь поэтическую интерпретацию с позиции пророка-мученика, несущего горькое знание истины. Правда ценность этой истины обосновывалась в тавтологическом духе как ценность правды самой по себе или как согласованность с миссией ученого. Незаметно фрейдовский дискурс приходил к драматическому парадоксу: требование эмансипации витальности от репрессивных моральных установок сталкивалось с утверждением, что сама витальность скрывает в себе могучие разрушительные силы.

Рационалистический лозунг психоанализа «осознать бессознательное» также не получал рационалистического развития, поскольку сознание не было в рассуждениях Фрейда самодетерминирующей инстанцией, а бессознательное и целый ряд психических сущностей просто постулировались им. В связи с этим «осознание бессознательного» сводилось в дальнейшем к догматическому воспроизводству авторитетных представлений Фрейда о сущностном психическом. Эмпирическая

ненаблюдаемость постулированных Фрейдом психических сущностей компенсировалась возможностями фрейдовского способа интерпретирования, пригодного для тотального объяснения любых психических и культурных явлений на метаязыке психоаналитических терминов, а также весьма эффективного для «постановки диагноза» оппонентам. Став популярным и харизматичным дискурсом, психоанализ на социальном уровне оказался вынужденным консервативно эксплуатировать свой канон, идеализировать фигуру создателя и осторожно вводить новации, проистекавшие из клинической практики.

Хотя представители психоаналитического мэйнстрима на концептуальном и клиническом уровне существенно обогатили исходные теории, они в большей или меньшей мере продолжали опираться на проблемные метафизические и методологические предпосылки классического канона. К сомнительным предпосылкам классического психоанализа можно отнести наивный эмпиризм, редукционизм, детерминизм, сциентизм и проистекающий из них антигуманитаризм психоаналитической методологии. Наивный эмпиризм исключает из психологического исследования вопросы познавательной ангажированности и обусловленности самого исследователя. Редукционизм сводит сложные смысловые и контекстуальные явления к составным частям, разрывая и отбрасывая их нередуцируемую связанность. Детерминизм и сциентизм выражают стремление ученого подчинить изучение уникальных психоментальных явлений принципам чуждых для них естественных наук, пусть и показавших свою высокую эффективность в сфере технического прогресса. Невозможность обращения с человеком и его внутренним миром, как с технологическим аппаратом является главным аргументом для оценки такой методологической установки как антигуманитарной. Указанные предпосылки характерны для ряда направлений современной научной психологии, также формировавшейся в рамках натуралистического мировоззрения XIX века.

В отличие от Фрейда Салливан во многом ориентировался на методологию стремительно развивавшихся в XX веке гуманитарных и социальных наук, благодаря чему смог привнести в психотерапию то лучшее, что до сих пор отличает ее современные варианты. Из своей клинической работы Салливан смог не только вывести клинические следствия, но и обратиться к теоретической разработке затронутой проблематики [4]. Прежде всего, это была проблематика коммуникации, ускользавшая от внимания исследователей, мыслявших в рамках персонцентричного подхода (рассматривающего личность как замкнутую систему с устойчивыми характеристиками). Клинические успехи Салливана и его новаторское

понимание оснований психического развития и психотерапевтической помощи проистекали из обращения первостепенного внимания на:

1) значение опыта интерперсонального взаимодействия в психическом развитии и патогенезе;

2) необходимость психологической (а не биологической, физикалистской и иной спекулятивной, дистанцированной от опыта) трактовки человеческих мотивов, тревоги и переживаний;

3) роль психотерапевта как участвующего наблюдателя и специалиста по коммуникации вместо классической нейтральной позиции, обслуживающей идеал научной объективности;

4) центральное значение языка и коммуникации в вопросах межчеловеческого понимания и взаимодействия;

5) автономное терапевтическое значение опыта коммуникации в ситуации «здесь и сейчас» по сравнению с «интеллектуальными» реконструкциями патологического прошлого пациента.

Смещение интереса к данной проблематике как раз и определяет современные версии психотерапии и психоанализа по отношению к их классическим предшественникам. Интерес к коммуникации и ситуации интерперсонального взаимодействия, подкрепленные современными представлениями из лингвистики и культурной антропологии, а также переориентация психиатрии на принципы гуманитарных и социальных наук, стали основаниями интерперсональной теории Салливана.

Центральным звеном интерперсональной теории стало признание условности и гипотетического характера такого образования как личность – единицей анализа становится не личность, а интерперсональная ситуация. Этот качественный сдвиг означает, что от умозрительных рассуждений об устойчивых качествах и «устройстве» личности исследователь и психотерапевт должен непременно возвращаться к анализу опыта связанности человека с другими людьми, особенно опыта связанности, протекающего в психотерапевтической ситуации. Иначе говоря, внимание психотерапевта в интерперсональном подходе должно быть сосредоточено не на объяснении страданий и переживаний пациента некими гипотетическими внутриспсихическими патологическими факторами (чрезмерная агрессивность, фиксация на ранней стадии психосексуального развития, предпочтение примитивных защитных механизмов, отсутствие наблюдающего эго), а на прояснении связи этих переживаний с имеющимся у человека опытом взаимодействия с другими людьми, а также на том, созданы ли в текущей психотерапевтической ситуации условия для нового, более гуманного и исцеляющего опыта. Для клинической методологии,

развиваемой в интерперсональном подходе, как и для современной психотерапии в целом, характерен первостепенный интерес к настоящему, к уникальной ситуации «здесь и сейчас», анализ которой обеспечивает более надежными основаниями, чем спекулятивные реконструкции далекого младенчества пациента («там и тогда») и научнообразные объяснения универсальных механизмов психического аппарата («всегда и везде»).

Кроме того, одной из основных интенций Салливана было стремление уйти от механистического и физикалистского концептуального аппарата классического психоанализа в пользу более «человекоразмерной» лексики, что соответствует общефилософской тенденции XX века к обновлению языка описания человеческого опыта. Наиболее резонансные варианты реализации этой тенденции связаны, в частности, с именем Мартина Хайдеггера, попытавшегося уйти в философии от языка категорий к языку экзистенциалов, и с именем Мирчи Элиаде, осуществившего в рамках религиозноведения методологическую переориентацию от спекуляций в духе Просвещения к постижению сути религиозного опыта.

Салливан стремился уйти от биологического обоснования психической жизни и патологии отдельного существа к рассмотрению человеческого существования в контексте его связанности с существованием других людей. Эта радикальная методологическая переориентация обусловила изменения в теоретических принципах Салливана по сравнению с классическим психоанализом (и, шире, классической психиатрией, психологией и наукой). Центральной в подходе Салливана стала проблематика переживаний, коммуникации, взаимодействия и качества интерперсональной связанности, в отличие от фокуса классического психоанализа на универсальном «глубинном» истолковании (1), реконструкции прошлого (2) и осознании вытесненного материала (3). Так 1) глубинные истолкования в новой перспективе оказываются не более чем сомнительными гипотезами, 2) реконструкции прошлого уступают конструктивистскому или трансформационному аспекту терапевтического взаимодействия, а 3) осознание вытесненного материала и, шире, бессознательного пациента ставится в прямую зависимость от теоретической позиции психотерапевта и ситуации их взаимодействия.

В этом ракурсе переживания и смыслы становятся первичной реальностью, а не чем-то производным от инстинктивных влечений. Предметом исследования оказываются способы организации переживаний, качество интерперсональной связанности и интерперсональные навыки, а психотерапевтическая процедура переориентируется на вовлечение клиента

в терапевтическую коммуникацию, содействующую его эмоциональному, когнитивному и интерперсональному развитию. В подходе Салливана важным аспектом терапевтического взаимодействия и психического развития становится обеспечение атмосферы интерперсональной безопасности, то есть снижение тревоги до ее переносимых форм. Психологическая трактовка тревоги и ее роли в нарушениях коммуникации и развития, безусловно, была одним из факторов (наряду с особым вниманием к таким человеческим потребностям, как забота, самоуважение и связанность с другими людьми), способствовавших переориентации психиатрии и психоанализа в русло современных гуманитарных представлений о человеке.

Рассмотрев внутреннюю логику развития интерперсонального психоанализа (созвучную логике дальнейшего развития психоанализа и психотерапии в целом), обратимся к внешним дисциплинарным ориентирам Салливана. Исследователи [2; 7; 8; 9] традиционно указывают на междисциплинарные обращения Салливана к психоанализу Фрейда, психобиологии А. Мейера, социологии Ч. Кули и Дж. Г. Мида, культурной антропологии Б. Малиновского и Р. Бенедикт, философии операционализма П. Бриджмена, теории поля К. Левина, лингвистике Э. Сепира и не только. Сам Салливан последовательно отстаивал необходимость междисциплинарных исследований на стыке психиатрии и социальных наук, непосредственно участвовал в полевых исследованиях, создал институт и издавал журнал для поддержки междисциплинарных исследований. Вскоре после его смерти такие ученые как И. Гофман, А. Стентон и М. Шварц убедительно раскрыли возможности междисциплинарных стратегий в сфере социологического осмысления практики психиатрического лечения. Тем не менее, методологические и теоретические новации Салливана или даже его интерес к эвристическим моделям других дисциплин нельзя сводить к «здоровому американскому эклектизму». Идеи 1) модернизации и гуманизации дисциплинарной практики, 2) реорганизации образования, 3) интерес к проблематике коммуникации и научения, а также 4) рефлексия развитийного измерения опыта свидетельствуют в пользу чего-то более фундаментального, нежели синтез объяснительных моделей разнородных наук. Перечисленные идеи и особенности подхода Салливана, возможно, удачно будет охарактеризовать как трансдисциплинарную интенцию.

Хотя понятие трансдисциплинарности не имеет устойчивой и однозначной трактовки [1, с. 22–24], в целом, можно выделить несколько характерных особенностей этой методологической установки: 1) освобождение от жестких дисциплинарных рамок в пользу более

качественного и комплексного осмысления реальности, 2) соотношение дисциплинарной сферы с ценностными и нравственными аспектами человеческой деятельности, 3) изменение представлений о субъекте познания и статусе самого знания. В новациях Салливана эти особенности проявлены достаточно рельефно. Так, объяснительные модели и акценты Салливана предлагают более сложное и комплексное понимание реальности человеческого взаимодействия и коммуникации взамен упрощенному персонцентризму. Во-вторых, такая методологическая новация непосредственно связана с прагматикой роста терапевтической эффективности и уменьшения «ненужной» боли. Кроме того, подход Салливана пересматривает в духе современной физики представление о субъекте познания. Субъект познания, как и само знание, определен и контекстуально обусловлен не только дорефлексивными структурами собственной субъективности, но и процессами и процедурами взаимодействия. Тем не менее, в структуре опыта, по Салливану, можно выделить синтаксический уровень выразительности, задействующий общезначимые коды, что обеспечивает возможность коммуникации и сообщения. В этом контексте одной из важнейших задач психотерапии и развития является овладение эффективными моделями синтаксической выразительности.

Подводя итог, можно сказать, что если классический психоанализ формировался под определяющим воздействием натурализма и сциентизма XIX века, а в дальнейшем догматическое апеллирование к авторитету Фрейда надолго законсервировало эти метафизические предпосылки, то в интерперсональном психоанализе произошла соответствующая XX веку модернизация в духе методологии гуманитарных наук. Несмотря на традиционное подчеркивание междисциплинарных оснований такой модернизации, эти акценты недостаточны для прояснения внутренней логики развития интерперсонального психоанализа. Основой этого развития была трансдисциплинарная интенция на переосмысление роли интерперсональной размерности человеческого существования. В этой связи перспективой дальнейших исследований видится изучение концептуального аспекта трансдисциплинарной модернизации, то есть определение тех требований к понятиям и специфике концептуального аппарата, которые способствуют усилению трансдисциплинарных новаций (в том числе и в сфере психоанализа).

Список использованной литературы

1. Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности.– М.: ИФРАН, 2009.– 205 с.
2. Лейбин В. М. Постклассический психоанализ. Энциклопедия.– Т. 2.– М.: Территория будущего, 2006.– 568 с.
3. Май У. Психоанализ в США // Энциклопедия глубинной психологии.– Т. II.– М.: Когито-Центр, МГМ. – С. 491–535.
4. Салливан Г. С. Интерперсональная теория психиатрии / пер. с англ. О. Исаковой.– СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999.– 347 с.
5. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции.– М.: Наука, 1991.– 456 с.
6. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений.– М.: Просвещение, 1989.– С. 382–424.
7. Хржановски Г. Психоаналитические теории Карен Хорни, Гарри Стека Салливана и Эриха Фромма // Энциклопедия глубинной психологии.– Т. 3. Последователи Фрейда.– М.: ЗАО МГ Менеджмент, 1998.– С. 358–393.
8. Conci M. Sullivan Revisited – Life and Work. 2-nd ed.– Trento: Tangram Edizione Scientifiche, 2012.– 506 p.
9. Evans F. B. Harry Stack Sullivan. Interpersonal Theory and Psychotherapy.– London: Routledge, 1996.– 255 p.

Олександр Романов

ТРАНСДИСЦИПЛІНАРНІ ЗАСАДИ ІНТЕРПЕРСОНАЛЬНОГО ПСИХОАНАЛІЗУ Г. С. САЛЛІВАНА

У статті зображені логіка модернізації психоаналізу в інтерперсональному підході Г. С. Саллівана та недостатність традиційного междисциплінарного трактування цього повороту. Обґрунтовано трансдисциплінарне розуміння методологічних новачій Саллівана.

Ключові слова: *інтерперсональний психоаналіз, Гаррі Стек Салліван, трансдисциплінарність.*

Oleksandr Romanov

TRANSDISCIPLINARY PRINCIPLES OF INTERPERSONAL PSYCHOANALYSIS OF H.S. SULLIVAN

The article elucidates the logic of modernization of psychoanalysis in the interpersonal approach of H.S. Sullivan and lack of traditional interdisciplinary interpretation of his innovations. Author founds transdisciplinary understanding of methodological shift of Sullivan.

The main intention of Sullivan was reorientation from mechanistic conceptual apparatus of classical psychoanalysis to more “human” language. This

intention corresponded with the significant tendency of philosophy in the XX century to renovate the language of description of human experience. Furthermore Sullivan intended to leave biological explanation of human living and pathology of separate individual. He developed theory of human living in the context of its connectedness with human environment. In this approach the experiences and meanings were the main subject of investigation. The experiences and meanings stopped to be considered as the derivatives of the biological instincts or drives as it was in the classical psychoanalysis. The main subjects of interpersonal approach of Sullivan were the modes of experience and quality of interpersonal connectedness.

Keywords: *interpersonal psychoanalysis, Harry Stack Sullivan, transdisciplinarity.*

References

1. Kiyashchenko L. P., Moiseyev V. I. (2009) *Filosofiya transdistsiplinarnosti [Philosophy of Transdisciplinarity]*, Moscow, IFRAN, 205 p.
2. Leybin V.M. (2006) *Postklassicheskiy psikhoanaliz. Entsiklopediya. [Postclassical Psychoanalysis]*, T. 2. Moscow, Territoriya budushchego, 568 p.
3. May U. (2001) *Psikhoanaliz v SSHA [Psychoanalysis in USA]*, *Entsiklopediya glubinnoy psikhologii*. T. II. Moscow, Kogito-Tsentr, MGM., pp. 491–535.
4. Sallivan G. S. (1999) *Interpersonalnaya teoriya psikhiiatrii [Interpersonal Theory of Psychiatry]* / per. s angl. O. Isakovoy. SPb, Yuventa, 347 p.
5. Freyd Z. (1991) *Vvedeniye v psikhoanaliz: lektsii [Introduction in the Psychoanalysis: Lessons]*. Moscow, Nauka, 456 p.
6. Freyd Z. (1989) *Po tu storonu printsipa udovol'stviya [Beyond the Lustprinciple]*, *Psikhologiya bessoznatel'nogo: Sb. proizvedeniy*. Moscow, Prosveshcheniye, pp. 382–424.
7. Khrzhanovski G (1998) *Psikhoanaliticheskiye teorii Karen Khorni, Garri Steka Sallivena i Erikha Fromma [Psychoanalytic theories of Karen Horny, Garry Stack Sullivan, and Erich Fromm]*, *Entsiklopediya glubinnoy psikhologii*. T. 3. *Posledovateli Freyda*. Moscow, ZAO MG Menedzhment, pp. 358–393.
8. Conci M. (2012) *Sullivan Revisited – Life and Work*. 2-nd ed. Trento, Tangram

УДК 007:304:659.312 *Фаріда Тихомірова, Павло Тихоміров* СИСТЕМНА МЕТОДОЛОГІЯ ЯК ІНСТРУМЕНТ ДОСЛІДЖЕННЯ СОЦІАЛЬНОЇ РЕКЛАМИ

Соціальну рекламу розглянуто як систему з точки зору загальної параметричної теорії систем. А. І. Уїюмова. Системна інтерпретація знань про складні об'єкти найбільш адекватна характеру їхнього функціонування та розвитку. Відповідно до того, що реклама набуває все більшої ваги у сфері масових комунікацій, вона починає цікавити науковців як система, що функціонує за власними законами й використовує задля досягнення поставленої комунікаторами мети здавна відомі прийоми апелювання до людської психіки на свідомому та підсвідомому рівнях. Так, останнім часом до реклами застосовують підходи, засновані на витлумаченні її як знакової системи зі своїми засобами віддзеркалення та трактування дійсності.

Ключові слова: *соціальна реклама, система цінностей, знакова система, атрибутивні системні параметри, комунікативна практика.*

Під час змін у суспільстві різко загострюються ціннісні протиріччя. Сформовані орієнтації на певні цінності суперечать загальній динаміці суспільного розвитку. Змістовний бік нової ціннісної орієнтації у таких випадках часто ігнорує пріоритет загальноновизнаних цінностей у реальній індивідуальній та соціальній практиці [4]. Процес девальвації цінностей посилюють сучасні комунікаційні та інформаційні технології, за допомогою яких можна маніпулювати свідомістю на будь-якому рівні – від індивіда до маси [9]. Нагальною необхідністю стає соціальне оздоровлення українського суспільства. Для усунення порушення гармонії соціальних відносин і ціннісних пріоритетів необхідно переглянути світоглядний рівень нашого буття, а також знайти ефективні шляхи для трансляції в суспільство оновленої системи цінностей [1].

У сучасному світі ефективним засобом впливу на суспільство стає реклама, зокрема соціальна. Тому актуальність дослідження репрезентації суспільних цінностей у соціальній рекламі на наш погляд полягає як в теоретичній потребі уточнити визначення поняття, визначити місце феномену в ряду існуючих комунікативних практик, так і в практичній значущості збільшення дослідницької бази, яка, сподіваємося, допоможе вибудувати реальні суспільно значущі рекламні кампанії більш ефективно. Методологічну основу дослідження становлять: системно-параметричний метод (атрибутивні системні параметри), герменевтичний метод (реклама розглядається як текст), ситуаційний метод, наукові принципи сучасної комунікативістики та суспільних наук у цілому, передусім наукові підходи